

АРТИСТАМИ НЕ РОЖДАЮТСЯ

ЧИТАЯ статью Н. Тимофеевой «Цель творчества — самоотдача...» («Советский артист», № 4 от 28 января с. г.), я уже в который раз с сожалением подумал о том, что в отличие от артистов балета вокалисты значительно позднее начинают готовить себя к творческой жизни, как художники формируются позже, чем музыканты и танцовщики. И мало кто из моих коллег может сказать, что с 9—10 лет чувствовал призвание стать оперным певцом. Для этого как первое и самое необходимое условие необходим голос, а он, как известно, проявляется лишь годам к 20. Поэтому мое глубочайшее убеждение — в вокалисте человек, личность начинает формироваться раньше, чем профессионал.

У нас в доме все пели — вместе с соседями собирались под большой шелковицей или на берегу моря — и пели. Я тоже пел вместе со всеми, но мечтал стать геологом, а после окончания школы поступил в Тбилисский политехнический институт. Правда, элементарную музыкальную подготовку в детстве я получил — два года учился играть на скрипке, четыре — на фортепиано. Но я знаю певцов, и хороших, не получивших в юные годы никакого музыкального образования. Значит, дело не в этом!

В консерваторию меня привели силой. Мой педагог профессор Д. Андгуладзе, которому я очень многим обязан, говорил нам, студентам, что главное — быть, стать человеком, а стать певцом — это уже вторая задача. То же повторяю сейчас и я своим студентам в Московской консерватории.

На памяти нашего поколения было немало людей, одаренных редкими голосами и тем не менее не ставших певцами-профессионалами, которым было бы под силу решать творческие задачи. То есть дело не только в голосе. Речь идет о формировании личности артиста, художника.

Но и самая одаренная от природы личность сама по себе сформироваться не может. Человека формирует среда, люди, которые его окружают, с которыми он входит в контакт. Лично мне очень много дает общение с моими коллегами-певцами, с замечательными музыкантами, режиссерами. В этом общении мы не только узнаем, воспитываем, духовно обогащаем друг друга, но и познаем самих себя.

Есть, конечно, люди с врожденным вкусом, как рождаются с абсолютным слухом. Но вкус, столь необходимый каждому художнику, в какой бы области искусства он ни трудился, — воспитывается, развивается. Человечеством накоплены огромные богатства во всех областях знания, и приобщение к ним — незаменимая сторона духовного развития личности. Отсутствие его невозможно восполнить ничем. Книги и альбомы, выставки, спектакли других театров, концерты, слушание самой разной музыки — все это составные части жизни артиста, стремящегося стать художником. Я с благодарностью вспоминаю двухлетнюю стажировку в Милане, где в спектаклях Ла Скала мне посчастливилось услышать многих выдающихся современных певцов и дирижеров, что, безусловно, оказало на меня большое влияние.

Певцы любят приводить в пример Ф. Шаляпина, говоря о том, что главное — природный талант, а не образование. Но они забывают о «шляпинских университетах», которыми было для него общение с целой плеядой выдающихся русских композиторов, ху-

З. СОТКИЛАВА,
народный артист СССР

дожников, писателей, теоретиков, о том, как сам он изучал историю, литературу, живопись прежде чем стать тем, кем он вошел в историю мировой культуры.

Зайдите в оперную канцелярию. Посмотрите афишу и расписание уроков и репетиций. Неделями может не появляться фамилия певца ни в афише, ни в расписании. Кто-то бывает в театре один час в день на уроке у концертмейстера. Но неужели этим временем ограничивается работа артиста? Нельзя работать от урока до урока, от спевки до спевки.

Артисты балета каждое утро приходят в класс для занятий, для совершенствования своей танцевальной техники, то есть ежедневно развивают свои профессиональные возможности. То же должен ежедневно делать вокалист — работать над собой, совершенствовать свое умение, владение мастерством. В противном случае его ждет потеря профессиональной формы. Кто из нас не был свидетелем того, как певец или певица «распевались» лишь к концу спектакля?.. Безусловно, это результат отсутствия подготовки к спектаклю, отсутствия работы, это — факт профессиональной недобросовестности.

О каком проникновении в образ, постижении авторского замысла может идти речь, если артист не готов к встрече ни с концертмейстером, ни с дирижером, ни с режиссером; если он на уроке выучивает ноты, а не вникает в замысел композитора, если, не выучив партию, приходит на сценическую репетицию. Здесь не может быть той профессиональной раскрепощенности, которая располагает к творческому процессу. Почему, приезжая на гастроли, артист всегда точно знает свою партию (в том числе и слова, причем часто — на иностранном языке), а в Москве, в нашем уважаемом Большом театре, допускает подчас небрежное отношение к своим прямым обязанностям.

Эти вопросы творческой, профессиональной дисциплины для певцов — вопросы жизни, вопросы творческого бытия. Без дисциплины, труда и требовательности не может быть и певца-профессионала, а высочайший профессионализм всегда был одной из замечательных традиций Большого театра. И именно профессионализм диктует отношение к делу, к труду, к дисциплине.

Большой театр — огромный и очень сложный творческий организм. И жизнь его, репертуарный план складывается так, что не каждый солист занят в новой постановке. Но это ни в коей мере не должно повлечь за собой «творческий простой» артиста, паузу в его творческой жизни. И дело не в простых словах о том, что совершенству нет предела. По собственному опыту знаю, что над большинством партий можно, действительно, работать всю жизнь и постоянно находить в них что-то новое.

Семнадцать лет я пою «Кармен». Не считал, сколько прекрасных певцов выступали как мои партнерши в партиях Кармен и Микаэлы. Но каждая из них будила в моем Хозе какие-то новые чувства, затрагивала новые струны в его душе. И сам я каждый раз бываю не таким, каким был на предыдущем спектакле. И непривычная интонация, нюанс партнера вызывают соответствующую ответную реакцию, а ведь один и тот же партнер в

разных спектаклях бывает разным.

Сколько я мучился, пока понял, каким хочет видеть моего Хозе Е. Образцова — Кармен! Не мне судить о том, чего я добился, но стремился более контрастно передать переход от нежности, лирики к высокому драматизму, разработать шире эмоциональную палитру образа.

Около десяти певцов были моими партнершами в «Отелло». Когда спектакль ставился, мы репетировали по очереди вместе с В. Атлантовым. В финальной сцене В. Атлантов со словами: «Нет! Нет! Нет!», глядя в глаза Дездемоне, медленно приближался к ней и душил ее. Настала моя очередь репетировать эту сцену. Я стал медленно приближаться к Дездемоне, но, увидев по-детски чистые, сверкнувшие в ужасе глаза М. Касрашвили, понял, что не могу повторить мизансцену. Мой Отелло мог задушить такую Дездемону лишь в порыве неуправляемой страсти.

А вот еще один штрих в работе над образом Отелло. Я долго думал о том, почему Яго обращается к Отелло на «ты», искал ответ у Шекспира, в клавире. И нашел его в клавире, правда, авторском — итальянском. В его тексте Яго впервые обращается к Отелло на «ты» после сцены с дожами, когда Отелло, оскорбив Дездемону, развенчал себя как человека высокого духовного начала.

А как много дает каждому певцу работа над камерными сочинениями! Расширятся репертуар, идет приобщение к произведениям иных направлений, стилей, эпох, певец обогащается вокально, появляется более тонкая нюансировка и многие другие профессиональные качества, необходимые оперному певцу.

Опыт показывает, что только постоянная, регулярная работа над собой, над репертуаром — и старым, и новым — делает певца мастером, художником.

Ни в одном театре нашей страны и за рубежом не встречал я такой атмосферы, как у нас в Большом театре, — это атмосфера редкой творческой сосредоточенности. Люди, которые тримируют, одевают, своим отношением, вниманием помогают солисту выйти на сцену. И когда зрители меня тепло принимают, аплодируют, мне хочется, чтобы рядом со мной вышли на эти аплодисменты те, кто помогает нам, артистам, не видимые зрителями. А наши прекрасные музыканты — художники с великолепным вкусом — наш оркестр! Кто из певцов не испытал чувство благодарности к ним за совместное творчество, за их исполнительскую и человеческую чуткость, за их поддержку. Эти же слова я адресую и нашему хору. Ни в одном другом театре нет ничего подобного!

В создании творческой атмосферы, которая окружает нас в театре, многое зависит от каждого из нас. Надо искать и находить хорошее в людях и их делах, внимательнее относиться к ним, и они ответят вам тем же.

Я считаю себя очень счастливым человеком. На своем жизненном пути я встречал прекрасных, а порой и выдающихся людей, и каждый из них оставил большой след, заставил увидеть новое в жизни и во мне самом. Я занимаюсь любимым делом, и ничто не может сравниться со счастьем пения, когда ты поешь, а голос подчиняется тебе, и ты можешь передать им огромный мир мыслей и чувств.

Высшего счастья нет! Но как нелегко к нему путь...